

ВАСИЛИЙ ТАРАСЕНКО

Корабли не разойдутся

СКАЗКИ КАТАКОМБ – 1

Василий Тарасенко
Корабли не разойдутся.
Сказки катакомб – 1

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=40489973

ISBN 9785449623706

Аннотация

Никто из экипажа космического корабля даже предположить не мог, какие тревоги клубятся в душе десятилетнего сына капитана. Даже отец оказался далёк от Сашки. Обида из-за непонимания приводит мальчика на руины древней цивилизации, на планете которой проводит изыскания космическая экспедиция. В руинах он и пропадает, вызвав тем самым панику в экипаже. Безутешный отец, понимая свою вину в случившемся, встречает в пустыне странного человека, который уверяет его, что мальчик жив и его можно найти...

Содержание

Вместо пролога	5
Глава 1. Третий колокол на башне	7
ЛИЦО ЧЕРНОГО ВСАДНИКА	25
СЕВЕРИАН КРУТОСЛАВОВ	26
ЖИЗНЕОПИСАНИЕ МОНАХА ИАКОВА	34
Конец ознакомительного фрагмента.	40

Корабли не разойдутся Сказки катакомб – 1

Василий Тарасенко

Иллюстратор Иван Колчанов

© Василий Тарасенко, 2019

© Иван Колчанов, иллюстрации, 2019

ISBN 978-5-4496-2370-6 (т. 1)

ISBN 978-5-4496-2369-0

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Вместо пролога

*Из разговора по Векторно-Пробойной Линии
Связи:*

Женский голос:

– Невероятно... В диспетчерской даже приборы зашкалило... Ты можешь себе представить, какой мощности был удар по мембране?

Мужской голос:

– Некая бородатая личность, наверное, изувековечила прекрасными аллегориями полвселенной?

Тот же женский:

– Держи карман шире. Дождешься ты от нашего Деда непечатных выражений...

Второй мужской:

– А что Полуденный Совет?

Первый мужской:

– Вай, Владимир, Твой Свет, будто ты не знаешь наших Капитанов... Промычали что-то нечленораздельное и быстро наложили вето на наше естественное желание рейдировать то пространство.

Снова женский:

– Ладно, мальчики, вы тут покумекайте, а мне пора работать. В портал ломится какая-то незнакомая посудина...

Три зуммера прекращения связи.

Треск зарастающих пробоев в граничных мембранах...

Из рапорта капитан-командора Всеславского С. А.:

«ПОЛУДЕННОМУ СОВЕТУ. Акция по выведению из точки особого напряжения раздражающих корпускулярных систем полей тех, кто сдерживал цепную реакцию распада пространства, известного, как Ратнотаамуолл, проведена в соответствии с вашим распоряжением. Результат: умеренно успешный. А именно: выведено семь контактеров. Судьба восьмого замалчивается исполнителем акции, небезызвестным вам Мастером Семеном. Пренепременно прошу принять к сведению данный факт. Больше я самоуправления не потерплю. Особенно со стороны всяких неуполномоченных представителей правого крыла нашего движения...»

Глава 1. Третий колокол на башне

Сухой колючий ветер насмешливо взъерошил Санькины волосы сквозь пленку скафандра монополя. Оранжевый прожаренный песок ворчливо бормотал, осыпаясь из-под ног мальчишки. Саня взлетел на бархан и замер, снова окунувшись в уснувшую на песке чуть печальную, но все-таки хорошую тайну.

Старые развалины каждый вечер манили к себе. Мальчик часто подолгу просиживал в кубрике, слушая перепалки охрипших взрослых по поводу того, существуют ли вообще эти развалины. А когда он соизволил брякнуть: «А чего думать-то? Жили себе люди...», ему популярно объяснили, что людей здесь никогда не было раньше, и выставили вон, пообещав надрать уши... А развалины были вот они, реальные, с теплыми и шершавыми на ощупь кирпичами.

Саня двинулся сквозь заросли сухого колючника, дебри которого со скрипом расступались под давлением монополя. Вслушиваясь в ворчащие скрипы, мальчик представлял себе, что колючник – это множество старых космических гномов, которые собрались около замка, чтобы охранять его от всяких недобрых пришельцев. Его же, Саньку, гномы пропускали. Что нехорошего может нести в себе Александр Лебедев, которому послезавтра исполнится уже десять лет?

Старые потрескавшиеся стены, горячие от лучей почти

скрывшегося за песками солнца, потрескивали и скрипели, жалуясь Сане на ветры, проникающие во все трещинки, на чересчур жаркое светило и на холодные ночи. Санька прошел по пустырю среди осыпающихся стен и взобрался на высокую, под тридцать метров, колокольню, упрямо возвышавшуюся над развалинами. Он на минутку приложил ладони к теплому, тонко звенящему боку почтенного старца-колокола, одиноко висевшего на колокольне. Еще два, поменьше, лежали сейчас внизу, полуутонув в песке, окруженные ратью хмурых гномов-колючников, среди которых опасно распустила нежно-голубые цветы синяя роза, королева вечеров и ночей планеты Бонд.

Сашка снова представил себе, как в давние времена колокола сорвались с покосившейся от времени колокольни и с гулким, восторженно-звонким гудением ухнули вниз. Он почему-то считал, что они упали сразу, вместе, как расшалившиеся мальчишки, на которых с немым укором взирал с высоты старший колокол – некому было помочь ему выразить свое отношение к нынешней молодежи. Мальчик со смешком вспомнил ежедневное ворчание улыбчивого боцмана по поводу «дрянных и растрепанных ушастых существ, которые лезут, куда не надо, и мешают работать нормальным людям, которые, в отличие от некоторых несознательных личностей, не будем переходить на имена, не носят, как оголтелые, по окрестностям...» На что сегодня Санька, увернувшись от широкой карающей длани, ответил,

что никто не мешает им тоже... Мальчик посмотрел на корабль вдали, среди песков. Красавец баркент «Магеллан» медно сиял отраженным вечерним светом. Отсюда, с башни, он действительно был похож на старинный парусный корабль с картины в Санькиной каюте. И это была еще одна причина, почему мальчик бегал на руины каждый вечер с момента посадки космического странника на планету. Вот и сегодня Саня долго смотрел на далекий баркент, положив руки на каменные перила, уронив на ладони подбородок. Он представлял себе, что стоит на маяке, ожидая, когда величественный парусник войдет в порт... Ветер приятно щекотал ноги, мягкими лапками шарился под рубашкой. Саня снова с радостью подумал о том, как все-таки хорошо, что на планете Бонд, пятом спутнике звезды со смешным и ласковым названием Котенок, оказалось буквально все, как на Земле, которую он видел в последний раз аж пять лет назад, когда еще был лопухим дошколенком. В тот год они ушли с отцом, капитаном баркента свободного следования, в далекий поход к звездам системы Кривой Багор. И в тот год из их с папой жизни ушла мама...

Словно почувствовав перемену в Санькином настроении и слезы, готовые сорваться с глаз, ветер притих. Мальчик отчетливо помнил горькие слова, тихо сказанные надорванным голосом отца: «Нету больше мамы, сынок... Нету нашей мамы». Папа тогда тяжело осел в кресле приемного покоя медицинского центра, прижал к себе обомлевшего от ужаса пя-

тилетнего Саньку и тихо, с надрывом, заплакал. Уже потом Сане рассказали, что его мама подцепила на Весте, куда ездил по делам, скоротечную болезнь нервных клеток и буквально через полчаса умерла там же, на Весте.

Мальчик часто вспоминал маму. Ее доброе улыбочливое лицо со смеющимися карими глазами, мягкие, пахнущие мятой темные волосы, ее добрые руки, звонко шлепавшие его за очередную проделку.

Позже Саня узнал, что у него была сестра, Валя, бойкая, как пацаненок. Она погибла. Полезла однажды с мальчишками на опору старой заброшенной антенны спутниковой связи и сорвалась. Это случилось через три месяца после того, как мальчик родился. Ей было тогда десять лет... Сейчас она была бы уже взрослой особой и, наверняка, гоняла бы его тапком и обзывала «ободранным котом»...

От горьких мыслей Саньку отвлек голос папы, раздавшийся из микрофона в петлице рубашки защитной раскраски:

– Ау, шкет. Если ты меня слышишь, бегом домой, а то уши надеру. Темно уже.

Только сейчас Саня заметил, что песок из оранжевого стал серым, а корабль загорелся разноцветными огнями, превратившись в яркую елку в далеком темном пространстве. Дом... Для него и для папы «Магеллан» давно стал домом, самым надежным и крепким во всей Вселенной.

Сашка неторопливо спустился с колокольни и снова его ворчливо обступили гномы. Теперь в их скрипе ему слыша-

лись слова прощания и желание, чтобы он пришел завтра снова к развалинам да потешил старых и одиноких гномов, ушедших на пенсию со старых и списанных космических кораблей. Мальчик выбрался на песок, обернулся к призрачному в рассеянном вечернем свете силуэту замковых руин и крикнул:

– Я приду еще! Обязательно!

Неизвестно откуда взявшееся эхо повторило:

– Обязательно!

Обрадовавшись ответу, Санька припустил со всех ног к кораблю, огни которого насмешливо щурились из темноты короткого местного вечера.

Суперкарго Матвей и вахтенный младший электрик Сигурд сидели у трапа и резались в карты. Потрепанные картонные прямоугольники экспоната корабельного музея порхали над крышкой притихшего столового робота-дройда, прозванного в команде Йогом. С этим потешным членом команды было связано много корабельных историй. Одна из них объясняла, почему у него такое прозвище. Многие пытались, и в шутку и всерьез, тычками и внезапными подножками заставить дройда уронить поднос с посудой, когда он лавировал по столовой от стола к столу. Но Йог ни разу не разбил ни одной чашки, даже случайно, за что его так и прозвали. Рассказывали, что однажды дройд нарушил за-

кон о непричинении вреда человеку. Он обиделся и надел на голову старшему механику Копытову поднос с посудой, пообещав в следующий раз отдавить ему те самые копыта, если они еще хоть раз окажутся у него под гиродвигателями. Получив строгий нагоняй, Йог не сдался и все-таки выполнил свое обещание, когда Мишка снова попытался подставить ему подножку. Инцидент едва не закончился аннигиляцией взбесившегося робота, но команда отстояла своего любимца. А потом долго слышались по кораблю смешки и вредные вопросы типа: «Ну как, Миха? Отрастил уже новые копыта или еще старыми лапами пользуешься?» Капитан и Санька смеялись до сучения ногами, когда жертва дройд-произвола, стармех Копытов, рассказал им эту историю из тех времен, когда Виктор Лебедев еще не был капитаном, а Сашки еще не было на свете...

Матвей вскинул брови, узрев на трапе запыхавшегося мальчишку, и сказал:

– По-моему, одна известная личность скоро потеряет свои драгоценные уши.

– А другая личность уже продула три партии, – жизнерадостно сообщил Йог, включивший глазки-огоньки.

– Два сапога – пара, – с чувством произнес Матвей, делая свой ход.

– Дядь Сигурд, а вы починили мой комп? – спросил Санька, запрыгнув на перила шлюзовой площадки. Электрик побил карту Матвея и мрачно ответил:

– Ты им орехи колешь, что ли? Пятый раз за неделю меняю блок самосохранения...

– Ну, а что я могу поделывать, если он не может понять моих программ, – сказал Саня, состроив серьезную мину.

– Да, куда уж современным технологиям тягаться с юными гениями, – съязвил Матвей. Сигурд Торансон сердито глянул из-под бровей на развеселившегося кладовщика и прорычал:

– Играй давай!

– Парни, – выдохнул над ними глаз речесферы голосом капитана. – Там Александр не мелькает на горизонте?

– Еще как мелькает, – с улыбкой ответил Матвей. – Вон, аж коленки светятся.

– Саня, из трюма прямо ко мне, лады? Есть мужской разговор, – глаз потух. Матвей с улыбкой, которая стала еще ехидней, сказал:

– Мужик, желаю семь футов под... э... килем...

– Да, Санек, загляни на камбуз, – прорычал Сигурд. – Там Игорь тебе пару пирожков оставил с ужина, чтоб ты не помер с голоду.

Мальчик взбрыкнул ногами, слетел с перил и исчез, простучав подошвами сандалет гулкую пустоту коридора.

– А вы-с, сэр, дурак-с! – весело проорал Матвей, показывая обалдевшему Сигурду пустые руки. Электрик недоверчиво глянул в свои карты и бросил их на Йога, признавая свое первое за этот вечер поражение.

Виктор облегченно выдохнул: «Вернулся, негодник...» Он всегда беспокоился за сына. Да и какой родитель не вздрагивает от непрошенных мыслей за сорванца-сына, упылившего черт знает куда, или за дочку, усвиставшую с компанией? Вот и сегодня такие тяжелые мысли тенями прокрались в голову капитана, хоть Виктор и понимал, что, как ни старайся, а всю жизнь «пасти» сына не будет. По всем параметрам планета Бонд была во многом даже безопаснее Земли. Но Виктор вздрагивал, представив, как Сашка падает со стены в развалинах, черти их разнеси, или попадает в зыбучие пески... Три дня назад, тайком от сына, Виктор сходил на руины и дрогнул от нахлынувшего страха, увидев, какой высоты та «падающая» колокольня, с восторгом расписанная Санькой. Он даже чуть не запретил сыну шастать по камням, но, подумав, не стал устраивать скандал, а выбил из Сани твердое обещание быть осторожнее в своих вылазках. Но все равно замирал от пронзительного тревожного звона. Ведь Сашка мог сорваться с высоты, как Валентина...

Санькины обещания были тверже камня. Виктор вспомнил, как год назад запретил ему соваться в реакторную корабля. Там действительно было опасно – удары лучевых взвихрений монополя не выдержит ни один скафандр, кроме громоздкого аппарат-сейфа поля-статика. С той поры Санька ни разу не нарушил данного слова, да еще Виктор за-

метил, что сын стал меньше рассказывать о своих приключениях. Потом Виктор догадался, что Александр опасался, и не напрасно, что папа еще к чему-нибудь придерется...

Виктор в ожидании повернулся к каютной шлюзодвери, заслышав в коридоре щелчки сандалий «кошмара всей своей жизни», как он в сердцах сказал однажды старпому. Вспышку родительского гнева тогда вызвал скандал с дройдами-рудокопами, внезапно вышедшими из повиновения на планете Хиндира. Всегда послушные андроиды вдруг забросили свою прямую работу и принялись строить замок из кусков черного кварца. Как оказалось, Санька перепрограммировал дroids на свой лад и вкус. Виктор тогда крупно поругался с Николаем Мохом, начальником научной группы баркента.

Еще раньше, в самом начале путешествия, вся команда буквально заболела лихорадкой игр и гиканья боевых коней из конюшни капитанского сына. Взрослые дядьки, опытные космические волки, с топотом носились по коридорам корабля с хохочущим Сашкой на закорках. Пришлось тогда сурово призвать к порядку самых резвых «лошадей». Буйные скачки переросли в тихопротекающую погоню – кто сделает Саньке лучшую самодельную игрушку. Победителем был единогласно признан Йог, терпеливый учитель подрастающего «чудовища». Дройд подарил мальчику парусный кораблик, любовно склеенный из белоснежного чайного сервиза, раскоканного на кусочки кем-то из команды. Виктор уже и не помнил, кем... Теперь подарок дройда стоял в Сашки-

ной каюте, под картиной «Фрегат „Паллада“ у берегов Дальнего Востока», написанной каким-то современным художником-консерватором.

Шлюзодверь бесшумно распустила лепестки мембраны, и в каюту влетел мальчишка в потрепанных шортах и рубашке цвета хаки навывпуск. Виктор отметил, что Саня успел снять скафандр монополя – дань отцовскому беспокойству. Пусть уж хотя бы минует его дерущая боль от острых иголок колючника, да и немало в окрестностях всяких нервных насекомых, из-за которых подняли восторженный вой в научной части корабля...

Санька скинул сандалеты, бухнулся с ногами в мягкое кресло и с аппетитом вонзил зубы в пирожок, излучавший безумный аромат картошки, лука и печенки. Виктор Степанович Лебедев сел в кресло напротив и сказал:

– Итак, молодой человек соизволил явиться, что свидетельствует о том, что он сегодня не успел свернуть себе шею на «графских развалинах»... Пора тебе, Александр, браться за ум.

– Ага, – мальчик довольно облизал жир с пальцев. – Давно пора.

– Выдрать тебя пора, – улыбнулся отец. – Завтра мы отправляем к Синим Скалам роту андроидов для добычи минералов. Видишь ли, сегодня все страшно заняты непонятно чем, а в программе их работы надо кое-что подправить. Рискнешь? Я все конкретно объясню.

– Хоть щас... А сам не можешь, что ли?

– Некогда мне.

– Ой уж, – протянул Санька, – просто ты хочешь отбить интерес к вольной жизни...

– А если и так? – Виктор отвлекся от созерцания потолка и глянул на сына. Александр сидел притихший, взъерошенный и смотрел на портрет на стене каюты. Виктор почувствовал глухую боль в сердце. Наташа, язвительная и всегда добрая Наташка Лебедева-Герц, мать Саньки... Резко сгустились никогда не уходившие далеко тени давнего горя. С чувством щемящей нежности Виктор снова посмотрел на сына: «Не забыл... Помнит маму...» Мальчик встал с кресла, прижался лицом к плечу отца. Виктор пригладил взъерошенные волосы сына:

– Ничего, малыш... Главное, помнить... И мама всегда будет рядом.

В полумраке каюты раздался всхлип, и Санька торопливо утер проступившие слезы, снова прижался... Лебедев-старший осторожно тронул кисточку волос на макушке сына. Старая боль притупилась, но все так же пульсировала в душе: «Ната... Наташка...» Виктор встряхнулся, еще раз прошелся по Санькиным волосам и сказал:

– Санек, ты вот что... Сходи к Сырому. Наш старпом нашел сегодня что-то интересное и хотел тебе показать. Потом приходи снова. Сегодня по почте пришла новая книга. Почитаем...

Саня сумрачно кивнул, потер глаза и пошел к двери, но вот пружинисто вскинул голову и выскочил в коридор. Виктор устало улыбнулся и, как бы извиняясь, посмотрел на голограмму Натальи: «Извини, Ната, он мальчишка. Пять лет все-таки прошло...»

В душе у Саньки было сумрачно, когда он появился в кубрике, где в то время всегда обитал старпом. Авдей Казимирович Сырой, которого все, кроме капитана, стали называть Тамерланом после случая на Хиндире, вышагивал по просторному помещению, пыхтя трубкой и припадая на левую ногу. Хромал он после того, когда на Хиндире первым примчался на руины обвалившегося «замка», вытащил пацана из-под обломков, а потом три дня просидел у постели больного Сашки... И они прикипели друг к другу.

Седовласый мужчина с окладистой бородой и желтыми от табачного дыма усами окинул взглядом голенастого темнорусого мальчишку с припухшими от слез глазами, с серьезным пониманием положил ему руку на плечо и сказал:

– Я хотел тебе показать кое-что, но, если хочешь, можно отложить это занятие на потом.

– Не... – Санька вскинул глаза, брызнув синевой. – Показывай.

Авдей Казимирович сглотнул, утихомиривая подступившую к горлу теплую колючую ласковость, стремительно подхватил взвизгнувшего Сашку и перекинул себе на плечо. Мальчишка обрадовано взбрыкнул поцарапанными нога-

ми. Старпом подошел к старому дивану и сбросил мальчика на теплый потертый сатин неопределимого за давностью лет цвета, под которым обиженно взвизгнули пружины... Из-за этого дивана была настоящая война между старпомом и боцманом. Моложавый, всегда опрятно одетый боцман Тахтамышев Стас Тарасович около года прицеливался выбросить в пасть аннигилятора «эту реликвию ржавой ностальгии, которую один впавший в детство бородач, не будем показывать пальцем, потащил на научный корабль...". На что Авдей сначала сдержанно возражал, а потом распаялся, превращаясь в грозную смолокурню (без трубки старпома практически никогда не видели), и громко неистовствовал по поводу некоего «склеротичного очкарика, который забыл, как сам протащил на корабль груды ржавого железа, чересчур громко названную коллекцией металлов... Он, старпом, тогда посмотрел на такое самоуправство сквозь пальцы, но ведь память у него, старпома, пока в хорошем состоянии, не то, что у некоторых... Можно и вспомнить...» Так они распаялись до такой степени, что гордо расходились, горячо уверив друг друга в обоюдном неприятии. А спустя час-другой уже все знали, что они снова сидят в кубрике и азартно режутся в шашки, благополучно просиживая штаны на злополучном диване...

Санька увидел на столе, хоть и единственном в кубрике, но огромном и обитом зеленым бархатом, куб многомерных шашек. Он соскочил с дивана и спросил:

– Кто победил?

– Дитя мое, – старпом печально встопорщил усы. – Видишь ли...

– Ясно, – Санька деловито вернул разноцветные шашки на свои места. – Ты какую позицию вел?

– Ух... «Пятый белый кит раджи». Так, вроде бы, называется.

– А Стас Тарасович?

– «Авоську», – твердо ответил Авдей.

– «Ножницы» пробовал?

– А как же, – Авдей копался в карманах. – Но наш несносный боцман бросил в меня «Бомбу»... Ага, вот он...

– Уау, – не сдержался Санька, увидев, что достал из неприемного кармана старпом, и с надеждой, не веря своим глазам, спросил шепотом:

– Это правда ОН?

– Да. Я сегодня нашел его в пустыне. Верно говорят, что квирины шляются от планеты к планете. Не думал я найти здесь, на... э... заднем месте вселенной, космического рака. Вот его-то я и хотел тебе подарить в преддверии твоего дня рождения.

В Санькины ладони упал теплый шарик, похожий на ошупь на комок мягкой пушистой шерсти. Выглядел же квинин совсем не так, как ощущался. Он был похож на кусок крупнозернистой пемзы, поры которой были залиты разноцветным стеклом. Так выглядит пемза, если опустить ее

в банку с водой. Старпом отчего-то нахмурился и спросил:

– Знаешь, как обращаться?

– Конечно, – тихонько, чтоб не сдуть с ладони невесомый подарок, ответил мальчик. И вдруг заорал, как от щекотки, подпрыгнул с места и повис на шее у старпома. Прошептал:

– Спасибо.

– Ха, спасибом не отделаешься, – Авдей закружил мальчика, подбросил под самый потолок, который «испуганно» ввалился сам в себя в том месте, где его едва не коснулась лохматая голова, издавшая вопль, а потом сильные руки мягко опустили Саньку на пол.

Старпом смотрел, как бережно мальчик уносит подарок – будто еще не верит. Его голос догнал Сашку в коридоре:

– И смотри, не цепляйся больше ногами за всякое железо. Где ты его только находишь на корабле?

Мальчик крикнул в ответ:

– Спасибо!

И быстрый топот возвестил о том, что «дитя клубящихся пространств» умчался к себе, в каюту. Авдей с грустью подумал о том, что у него мог бы быть такой сын, если бы... Снова топот и в кубрик проникла улыбающаяся рожица Сашки:

– Тебе надо было на «Бомбу» ответить «Пяткой Будды».

И снова тишина. Старпом сунул пальцы в бороду, подошел к столу, рассмотрел повнимательней оставленную Саней позицию в шашках и выдохнул:

– Мда... Шустер...

Сейчас каждый взрослый знал, что если подарить нормальному ребенку квирина, радости будет вагон и маленькая тележка. Впервые о космораках заговорили лет двенадцать назад. И до сих пор об этих таинственных существах не было известно практически ничего. Квирины встречались очень-очень редко и всегда были разных размеров. Ходили даже неподтвержденные слухи о том, что видели, дескать, косморачка диаметром целых полтора метра с гаком...

Все это рассказал Саньке серьезный Толик Калашников, ходивший всегда с видом примерного вундеркинда. Было это год назад, когда «Магеллан» состыковался с «Птахом», другим научным судном, не то олдджермером, не то барком. За пять лет пути «Магеллан» не раз входил в контакт с другими кораблями и почти всегда на незнакомых судах царствовали свои «лопоухие личности». Сашка чаще всего вспоминал братьев с «Телесфора», названного так в честь одного врача, жившего давно-давно, как объяснил Валерка, старший в этой неразлучной парочке. Смешливый Алешка, пятилетнее тонконогое существо, весьма довольное жизнью, вспоминался Саньке едва ли не чаще Валерки. Они могли стать друзьями. Но корабли не только сходятся, но и расходятся.

Грусть испарилась моментально, стоило только Саньке снова посмотреть на квирина. Толик тогда еще шепотом,

от которого шли мурашки, рассказал о самом главном, о том, чего не знали взрослые, но зато знали все ребята, с которыми Толик встречался до Сашки. Мальчик с замиранием узнал, что квирин может выполнять желания. И чем сокровенней оно, тем больше вероятности, что сбудется.

Александр не задумывался над своим желанием. Он твердо знал, чего хочет от жизни. И от этого знания звенели в нем струнки нетерпения, сладкого замирания и тревоги. Он влетел в свою каюту, бухнулся на теплый диван-аморф, с сытым урчанием обнявший его колени, и поднес к лицу ладони с невесомым странником космоса. Зажмурился и со звенящей, прочной, как колокол, верой в Чудо прошептал:

– Хочу, чтобы у меня был друг...

И неожиданно для себя, с пробившейся слезинкой в голосе, на одном дыхании, добавил:

– ... и мама.

Ничего не случилось. Да и что могло случиться сразу? Санька прекрасно понимал сложности волшебной метавселенной. Надо всего лишь подождать. Он готов подождать, но только можно побыстрее?.. Саня осторожно положил квирина рядом с подарком Йога, провел пальцем по пузатым парусам из фарфора, посопел, глядя на сумрачную картину, где величественный фрегат стремительно двигался вдоль темного побережья, под серым беспокойным небом, навстречу яркому лучу Солнца, пробившегося сквозь окошко в сердитых тучах. И побежал к папиной каюте, помня, что

надо еще повозиться с программой-поводырем для завтрашней роты андроидов.

Программа не ладилась. То ли потому, что забарахлил комп, то ли потому, что Санька слишком усердно изображал программиста, но Виктора грызло какое-то непонятное чувство. Наконец, капитан обозвал компьютер «бесполезным комом взбесившихся микросхем», встал, потянулся и подмигнул сыну. Саня тут же схватил со стола новую книгу, радостно заорав:

– Я первый!

– Возражений не имею, – Виктор растянулся на диване, отвел руки за голову и привычно напрягся. Мальчик с места сиганул на отца и бухнулся ему на живот. Виктор сердито выдохнул:

– Уй... Ошалел, что ли? Тяжелый уже...

Сашка виновато посопел, завозился, устраиваясь поудобнее, положил себе на колени холодный край прямоугольника книги. Вообще-то от книги здесь было только название. Два тонких проектора на цветных гидрокристаллах соединялись гибким пластиковым корешком, в котором находились ячейки памяти. На левой пластинке замерцал звездный хоровод, сквозь который проступило название книги и имя автора:

ЛИЦО ЧЕРНОГО ВСАДНИКА

или

*История о том, как два друга
отправились в путешествие
за три реки, и о том, что с ними было,
что они видели и кого встретили.*

Автор:

СЕВЕРИАН КРУТОСЛАВОВ

Александр звонко отбарабанил надпись вслух, нажал выпуклость в правом нижнем углу правой пластины и начал читать проступивший текст...

Спустя часа полтора Виктор погнал сына спать и не удержался, прижал шуплого Саньку к себе, растрепал волосы на светлой голове. Саня ускакал, а Виктор с растерянной лаской подумал о том, что теперь уж сын не проскользнет ночью в его каюту, как делал раньше, и не зашепчет на ухо:

«Пап... Можно, я у тебя полежу? А то там скучно...» Первые недели полета Виктор часто просыпался в тревоге от его надрывного плача, брал пятилетнего Саньку на руки и ходил по каюте, успокаивая и убеждая скорее себя, чем его, в том, что все будет хорошо... Хорошо?... Хорошо?! Никогда ни Саньке, ни ему не будет хорошо без мамы... От таких мыслей Виктор сам едва не заходился в надрывающем вое по ночам. Ему хотелось метаться, биться о стены, лупить тех, кто с деланным сочувствием выражал соболезнования, бежать, куда глаза глядят... Но он лишь прижимал к себе Саньку, и нехорошие мысли и намерения исчезали. Санька. Единственный свет в окошке для него...

И книга. Она попала ему в руки где-то через полгода. Худосочное издание работы по теории бесконечной многомерности пространств, автор некто Лигов С. Т. В книге,

в качестве доказательства, приводились факты о посмертных встречах с теми, кто умер. Там говорилось, что умершие ускользают по незримым путям в другие грани Кристалла и там продолжают жить, изредка появляясь в снах самых близких людей и призывая их к себе, убеждая, что могут забрать их в свой мир. Были случаи, что некоторые люди после смерти близких им людей бесследно исчезали. Даже медики, следившие за их биополями, говорили, что пропавшие просто пропадали из данного трехмерного пространства, намекая на какие-то константы и флюиды некротического поля... Мысль запала в подготовленную голову. Виктор дрогнул. Да и как иначе? Капитан убеждал себя, что прав – ведь никто так и не видел тела. И очень уж подозрительно вели себя служащие клиники на Весте. Избегали прямого взгляда, комкали разговор, едва слышав желание Виктора увидеть тело, испуганно отказывали в прощании и напоследок выдали урну с пеплом, объяснив, что провели такую быструю кремацию из-за закона о соблюдении эпидемиологического контроля...

Наверное, Виктор слегка сдвинулся в уме, но он поверил, как ребенок, в Чудо, потянулся обожженным сердцем... Потому что Наташа часто являлась ему в снах, звала с собой, убеждала в чем-то... Но после книги она больше не приходила. Виктор маялся, чернел лицом, устраивал войну в пух и прах с командой по любому поводу. В ту пору особенно обострилось желание уйти... Лишь Санька, вечно голоногий

и растрепанный, не давал Виктору погрузиться в безликую черную пустоту депрессии.

Виктор вспомнил, как привел на «Магеллан», стоявший еще на стапелях, своего сына, заявив старпому, что не отдаст его ни в какие спецшколы. Мужчина понимал, что старпом прав во всем, что говорил тогда. И в том, что Виктор эгоист, потащивший пацана за собой лишь для того, чтобы ему, Виктору, было не так тошно. И в том, что Саньке нужны друзья его возраста, а не сюсюкающие дядьки и не ахающие тетки из экипажа. И в том, что «хватит, наконец, строить из себя муху, вляпавшуюся в паутину и потерявшую волю к жизни, которая безропотно сложила лапки и чего-то ждет вместо того, чтобы трепыхаться, жить и бороться...» И в том, что он действительно «эгоист, который думает только о себе и не может хоть раз серьезно подумать о судьбе сына». Виктор оправдывал себя тем, что он всегда думает о сыне, боится за него, как когда-то боялся за Валю, боится, что загнется сам, если рядом не будет Саньки...

«Боишься за свой покой, за свою жалкую душонку», – презрительно подумал капитан и радостно согласился, что да, он боится всего... А о судьбе сына действительно стоит подумать. Не век же ему выслушивать школьную программу от Йога, который не может заменить Саньке друга. Виктор вызвал на связь старпома:

– Вот что, Авдей... Прозондируй условия поступления на Планету-Лицей для десятилетнего мальчишки.

– Надумал? – просветлел Авдей Казимирович.

– И не просто надумал, – усмехнулся Виктор, поняв, что настала пора, – я послезавтра подам рапорт о переводе из действующего флота на базу Лицея. Прости, Авдей, но я без Саньки дышать не смогу...

Авдей долго смотрел на погасший кусок стены, потом выбил пепел из трубки и вздохнул. Если бы у него был такой сын, он сам бросил бы все на свете, чтобы быть с ним рядом, видеть его хотя бы издалека, хотя бы пять минут в день и знать, что с ним, вечно ехидным и поцарапанным мальчишкой, ничего не случилось...

Супербот вернулся с Синих Скал к обеду. Из нутра аппарата шумно вырвались механик Кир, электрик Тимур Ангр и Антон Хмуров, старший из братьев. Санька подбежал к ним, рассекая ногами песок. Тимур, известный в команде как Ходячий Анекдот, улыбнулся, смешно сморщив мясистый нос в оспинках, и изрек:

– Идет авианосец по пустыне. Давай лапу, Санек...

Сашка вскинул свою ладошку, Тимур – свою лапу, и они сошлись в звонком хлопке. Кир лишь подмигнул и оттопырил большой палец. Антон тем временем зарылся в грузовой отсек бота и выволок на песок объемистый мешок с образцами минералов Синих Скал.

Они пошли к трапу, где их встретил один из матросов-спейсеров, Том. Огромный, двухметрового роста, бородатый мужчина поздоровался с Тимуром, взял у него ного-

ток-информатор, сунул его в приемное гнездо общего корабельного компа и прошелся толстыми обветренными пальцами по проявившейся на панели клавиатуре. Встопорщив бородку-шотландку, Том сказал:

– Молодой человек... Да, тот что прыгал по ступеням. Есть разговор...

Санька оробел. Том был третьим человеком в команде, чьи отцовские чувства по отношению к мальчику принимались «самой большой бедой корабля за все время его существования». Том был огромен. Он стоял над мальчиком, как скала над океаном, и осуждающе смотрел своими узкими глазами, окруженными паутиной трещинок-морщинок. Пристальный взгляд выцветших глаз заставил потеплеть Сашкины уши.

Для мальчика Том был Капитаном. Не таким, как отец, а старым морским волком былых времен. Санька часто, в воображении, одевал Тома в белоснежный китель с золотыми якорястыми пуговицами и представлял, как они втроем (он, папа и Том) пройдут по набережной того Города, Где Море. Сашка с отцом будут со смехом бегать по камням, подставляя лица соленым брызгам разбивающихся волн, а Том надвинет на густые брови черный козырек белой фуражки с «крабом», пустит кольцо дыма из большой черной трубки и с осуждением будет смотреть на резвящуюся молодежь. Мальчик знал, что Тому уже за шестьдесят и это его последний рейс...

Саня ковырнул болячку на коленке (за которые его часто ругала медсестра Ларочка, к которой он и не думал идти лечить боевые раны) и осторожно вскинул глаза. Теперь Том лучился добродушием. Наконец спейсер проворчал:

– Я хотел подарить тебе это завтра, в самый торжественный момент, но там и так будет полно подарков. А я хочу, чтобы мой презент не затерялся в общем завале... Короче, держи, именинник.

Том вложил Саньке в руки такое... Мальчик почувствовал, что его сердце готово выскочить из груди. Он держал в руках толстый прямоугольный сверток и кортик. Настоящий морской кортик с позолоченными ножами и цепочкой. Не веря своему счастью, Санька с такой радостью посмотрел на Тома, что тот слегка смутился и деланно-сердито проворчал:

– Ну, ты... Не серчай, если что не так...

– Уау, – по-кошачьи взвыл Сашка, взбрыкнул ногами, как расшалившийся котенок, на миг ткнулся головой в необъятный живот своего Капитана. – Все так... Спасибо, дядь Том...

И умчался. Услышав грохот в коридоре, Том не смог сдержать улыбку. На площадку вывалился ошалевший медробот по прозвищу Пыхтыч и, пустив из дыры вместо носа кольцо дыма с характерным звуком, объяснявшим происхождение его прозвища, спросил дрожащим голосом:

– Что это было?

– Это был Александр Лебедев, – прогудел Том.

– А-а... – облегченно выдохнул Пыхтыч. – А я уж решил, что в нас ударила комета...

Откуда дройд мог знать, что такое Мечта. Он, Пыхтыч, жил себе и не тужил. А у Саньки была Мечта, о которой не знал никто, разве что Том догадывался. Мальчик мечтал увидеть настоящее Море. Мечтал слететь в яркий солнечный день по каменной лестнице вниз, к берегу, вбирая в себя все ветра, и прикоснуться к Морю, а потом бежать по кромке прибоя, разбивая волны на мелкие прохладные брызги-радуги. Добежать до причала, около которого, шумно расплескивая воду, величаво покачивается корабль, мачты которого достают до самого неба, хороводя облака. Корабль, который отвезет его к маме... Он взбежит по трапу и попадет в крепкие руки отца-капитана, взлетит в небо, подброшенный сильными руками. А потом прижмется к его кителю (Санька даже чувствовал прохладную шершавость ткани) и услышит заветные слова: «Ну что, малыш, пошли. Мама ждет нас...» В такие моменты Саня вздыхал от огорчения. Папа так давно не называл его малышом. Александр, конечно, взрослый, стал полноправным членом команды баркента, но временами так хотелось... А вчера папа назвал Саньку «малышом», и все в мальчишке замурлыкало от тихого счастья, смягчив горечь вчерашних мыслей...

Сашка вернулся в свою каюту, с минуту посопел над подарками, сложенными на полке под картиной, оттягивая удо-

вольствие. Взял в руки квирина, ласково погладил: «Извини, что так долго не шел». Показалось даже, что тот потеплел в ответ. Бухнулся с ногами на диван, положил перед собой кортик и медленно развернул пакет.

Он даже застонал от восторга. Перед ним лежало коллекционное издание: книга, выпущенная в старой манере, на тонких листах пластированной бумаги, мелко набранный текст, лазерные иллюстрации и таинственно пахнущий переплет с золотым тиснением. Называлась книга так:

ЖИЗНЕОПИСАНИЕ МОНАХА ИАКОВА

*Церкви Матери Всех Живущих
с самыми мелкими подробностями
в изложении самого монаха-пилигрима Иакова,
вернувшегося от служения Церкви
к мирскому бытию под именем
Анатолия Клаусовича БЕРЕЗОВСКОГО.*

Восторгу Саньки не было предела. Он не раз слышал всякие истории об этом монахе – миространнике. Листая страницы, Санька находил иллюстрации и замирал от радостного узнавания. Были здесь и приключения в Желтом Поясе Галактики, где Иаков жил в общине Вольных Охотников Космоса, и общеизвестный рейд триспейсмарана «Калигула» в темные Территории Ночи (значит, правда, монах был там), и жуткие тайны Сан-Гипериона, где Иаков сумел остановить войну киберармий, и даже история путешествия Иакова вместе с другим монахом, Сергием, по планетам, известным под общим названием Сумерки Богов...

В оглавлении были намеки и на другие не менее бурные приключения. И в конце прилепилась краткая история Церкви Матери Всех Живущих. Для нее не существовало ерети-

ков – ведь мама была у каждого человека. И самое главное, монахами в ней были ребята не старше четырнадцати лет, те, кто вырос в приютах, без родителей. Да и монахами их называли для проформы. Во главе Церкви стояли взрослые люди, Командоры, которые, в общем-то, тоже не были священниками. Они были учеными, солдатами, просто людьми... А еще в Церкви почитали Хранителей, которые когда-то были простыми людьми: мужчинами, женщинами, детьми. Но они пожертвовали собой ради счастья других...

Санька читал около часа, а потом вместо обеденных рынд по кораблю разнесся набат боевого аврала. Санька рванулся с дивана, продрал пленку шлюзодвери и помчался к отцу, не обратив внимания на обиженный писк автоматике дверей, которая не успела устранить мембрану с пути мальчика.

Виктор и Авдей напряженно слушали сообщение научной команды:

– ...сразу двое. Авралов и Джексон сейчас в реанимации под опекой Анафемы. Организм поражения кремний-вирусного типа, не поддается никаким локализациям. Я, Николай Мох, своей властью объявляю жесткий карантин биологической опасности. Приказ вступает в силу через десять минут. Тем, кто находится вне корабля, приказываю удалиться на километр и активировать императив «Робинзон». Категорически запрещается приближаться к объекту Синие Ска-

лы... Ниженазванным немедленно явиться в научный отсек. А именно: старший электрик Тимур Ангр, механик Кир Руссес, техник Антон Хмуров, спейсер Томас О'Ронделл. Немедленно явитесь в научный отсек и доложите, с кем вступали в контакт по прибытии с объекта. Шлюзовой команде никого не впускать и не выпускать. Капитана Лебедева просим подключиться к общей сети. У нас все...

В ту же секунду на мостик влетел запыхавшийся Саня. Виктор оторвался от пульта и сказал:

– Александр, иди в каюту и будь там.

– Но, пап, – растерянно буркнул Санька.

– Я кому сказал... – начал Виктор и сорвался, ошпаренный видением обмякшего сына на койке в лазарете. – Быстро в каюту!

Санька хлопнул глазами и отшатнулся. Авдей с прищуром глянул на Виктора, а потом на пацана. Санька широко раскрытыми глазами смотрел на отца, закусив губу и уронив руки. В мальчишке все оборвалось. Никогда раньше не было в голосе отца такой холодной ярости, таких беспомощных ноток. Но и таких авралов не случалось на «Магеллане» уже лет десять на памяти старпома. Авдей понимал Виктора, но... Капитан снова заговорил:

– Ты еще здесь?

Саня сник, впервые по-настоящему испугавшись своего отца.

– Иди в каюту. Потом поговорим. – Виктор сказал это та-

ким тоном, что Авдей чуть не поперхнулся дымом. Санька попятился, резко развернулся и понуро вышел. Авдей крикнул и сказал:

– Ты чего на пацана бросаешься?

– Не маленький уже, переживет, – буркнул Виктор, успешший понять, что перегнул палку. – Вечером я с ним поговорю...

– Зря ты так, – снова сказал Авдей и качнул седой головой.

Виктор вызвал спейс-команду:

– Макс, Деви, смените Тома на шлюзе. В близкий контакт не вступать, надеть костюмы плотной защиты... Павел, седлай «Букашку» и мухой к Синим Скалам. Уничтожишь дройд-роту в пыль, ясно?

Санька обиделся на весь свет, а в первую очередь на себя. Он понял, что не вовремя прибежал на мостик. Вот и получил. Ну и, конечно, он обиделся на отца. Та злость в голосе Лебедева-старшего холодным душем окатила мальчика. За что? Что он такого сделал? Как будто и не сын ему вовсе... Сашка решил, что стал просто не нужен отцу. Вот такими мыслями он и довел себя, пока шел по коридору баркента. В итоге его обожгли слезы глубокой обиды... Да еще Авдей Казимирович не заступился...

Мальчик минуты две просидел в своей каюте, утирая слезы, а потом решил сходить туда, где всегда вспоминалась ма-

ма, к колокольне. Он засунул фарфоровый кораблик в бездонный карман шорт, взял в руку квирина и побежал к шлюзу, давясь снова подступившими слезами.

Он серым вихрем промчался мимо обалдевших спейсеров по площадке, сбежал по трапу и, не слыша тревожных криков за спиной, побежал по песку прочь, не чувствуя тут же набившийся в сандалии песок, так как скафандр Санька не надел...

Ноги сами вынесли его к колокольне. Саня понуро прошел сквозь расступившийся почему-то колючник, дошел до нагретых солнцем колоколов, тяжело рухнул на горячий песок и дал волю душившим слезам, погружаясь в тоску и шепча: «Мама, мамочка...» Спустя какое-то время щемящая обида отпустила, осталось лишь горькое понимание того, что никому он не нужен, кроме мамы.

Санька сел, обнял колени и ткнулся в них подбородком. Посидел так, достал квирина из кармана, покачал его в ладонях, прошептал:

– Одни мы с тобой теперь.

Квирин, будто поняв, скатился с рук и запрыгал к башне. Саня утер последние слезинки и пошел следом, уже с интересом наблюдая за космическим раком.

В баркенте царила паника. Мох узнал, что Тимур здоровался с Санькой, сыном капитана, и теперь испуганно требо-

вал привести мальчика. Спейсеры сообщили, что Александр промчался мимо них, как будто за ним кто-то гнался, а потом убежал в пустыню. Виктор с почерневшим лицом мерил рубку длинными шагами, не замечая мрачно дымящего трубкой Авдея. Он думал, и в нем поднималось, как цунами, чувство вины. Наконец, он остановился, схватил с кресла куртку и шагнул к двери. Авдей проговорил:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.